

Nakanune

НАКАНУНЕ

**1-й год изд.
№ 150**

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

под редакцией коллегии:

Б. В. Дюшен, Г. Л. Кирдецова (глав. ред.), С. С. Лукьянова, П. А. Садыкера и С. С. Чахотина.

**Среда
4 октября 1922.**

Чехов и Горький в Художественном Театре.

«Вишневый Сад», как и другие пьесы Чехова неразрывно связан с Художественным Театром и создавался в тесном сотрудничестве автора с вдохновенными режиссерами и артистами. Поэтому в пьесе так много от Художественного Театра: фигура обиженного самоучки философа Епиходова приобрела сравнительно с первоначальным текстом пьесы исключительную выпуклость и выразительность в игре Москвина. И Шарлотта Ивановна удавившийся Чеховский гротеск — в его рассказах не раз встречаются искаженные русской тяжелой иностранцы — наполовину создание режиссерского замысла, а также игра первой исполнительницы роли, Муратовой. Также относится и к Яшке-Александрову, Пылику-Грибунину.

И, главное, символика Вишневого Сада и забытого в нем старого времени-Фирса в значительной степени создана Художественным Театром, художественной правдой каждого штриха, атмосферой цветов и вздохов, поэзией комнат и помещицего ложа природы. Когда впервые поставили Вишневый Сад, поистине трудно было сказать — что лучше, пьеса Чехова или гениальная постановка Художественного Театра, игра Кинипер и остальных.

Эта связь Художественного Театра и пьесы ясно чувствуется и теперь — и перевес в смысле большей живости и яркости впечатления на стороне исполнения, а не пьесы. Вишневый Сад безнадежно устарел. «Как грустно», говорил около меня в театре прежний горячий поклонник Художественного Театра и Чеховского репертуара, «что нам теперь просто скучно смотреть Вишневый Сад». Это относится главным образом ко второму действию, в котором мысль Чехова выступает в рассуждениях. Тут чувствуется узость горизонтов — именно потому, что Чехов любит говорить и мечтать о будущем. Он видел будущее — в этом его провал — не активно, не в людях, он не прозревал в них силу, а вообще ждал, что придет что то. И его молодежь в Вишневом Саду, с идеалами мелкого культуризм-регерства не представляет собою будущее революционное поколение, которому дано будет повернуть Россию на новый путь. Они для теперешних зрителей — давнопрошедшее, — как и люди Вишневого Сада. Какой то в лучшем случае правые оглябисты. Пьеса вся тоскливо обращена в прошлое, и нет в ней никаких революционных прозрений и чаяний. Этим она мёртва, и картинность изображения в нежной детальной разработке Художественного Театра не могут оживить самую сущность Вишневого Сада.

Не несмотря на устарелость — русский послереволюционный зритель, конечно, ощущает эту устарелость особенно остро, острее чем европейская публика, и тем более американская — Вишневый Сад художественно прекрасная пьеса по своему строению, по новизне драматических приемов и обрисовке характера. Симметрическое построение: приезд-отъезд. Пьеса начинается с торжественного появления Фирса — а в конце Фирс, покинутый всеми, один на сцене. Между приездом и отъездом — судьба целой семьи. Казалось бы тут утомительное повторение: суета приезда, суета отъезда, занимающая другую часть первого действия и весь последний акт. А между тем эта смена впечатлений захватывает благодаря нежной Чеховской манере, его особому умению подпочвенно передавать душевные переживания на фоне мелькающей жизни. Особенно хороша в этой манере сцена неудачного сватовства Лопухина к Варе — редкое сочетание правды с грустной нежностью. Характеры действующих лиц, обаяние ничемных эстетов в жизни, грубая жалкая практическая правда сменяющих их кула-

ков, эпизодические типы — каждый облюбованно законченный — все это составляет большую прелесть Чеховской комедии, в особенности — вернее сказать исключительно — в исполнении Художественного театра. Благодаря игре москвичей Чеховский театр будет художественным откровением для европейских и американских зрителей. Они выдвигают с тончайшим чутьем все истинно комедийное в пьесе.

После Чехова Горький. После Вишневого Сада — На Дне. Сразу другое настроение. Пьеса Горького совсем наша, хотя тоже давно написана. Но у него каждое слово маетеж, вызов — революционность. В Петрограде говорили года два тому назад, что не следует ставить На Дне. Публика ложно понимает. Красноармейцы выходили из Александринского Театра после представления и говорили: «Вот жите было. Водку пили, селедкой закусывали. Завидно» Но это только штрих нашего голодного быта, а не осуждение пьесы. Что с того, что в революционные годы всем было голоднее чем прежде в босяцкой ночлежке. И на благополучном западе это почти что не невидаль. Важно, что из этой ночлежки все пошло. Тут так затюкали барона, что он сам чуть не перестал верить в свое бывшее кофе со сливками и свою знатную родню. Тут Сатин не пожелал работать против воли, тут среди вольницы «дна» подняты были вопросы о труде и правде — о человеке.

Тут началось разрушение старого мира — без капли сожаления к нему, без тени сентиментальности. И поэтому так остро действует пьеса Горького. Она как будто даже и не пьеса. Нет интриги. Любовно-криминальная история хозяйки и Васеньки Пенла отбрасывается как эпизод — и пьеса продолжается совсем без действия. Только песни поют, да разговаривают совсем ж отвлеченные разговоры. И говорят все одно. Одного Горького слышать из всех уст — от Луки до Алешки. Но речи растут и становятся знаменательными, грозными. Они действие сами по себе, в них нарастающий революционный, разрушительный эмп, и когда уже слов не хватает, то речи переходят в песню, в захватывающую песню — и звуками продолжают свое дело. Самоубийство актера прерывает босяков. Он не выдержал — а они все знают и зовут будущее. «Жаль, испортил песню». Сатин не сентиментален и отставшего не щадит.

Как москвичи играют На Дне — это мы все хорошо знаем, но давно уже пьеса Горького не ставилась так, как теперь, когда играют только прежние исполнители, создавшие все роли пьесы. В «Вишневом Саду» были в этом отношении большие изъяны, и игра получалась мозаичная. Плохая Варя, бесцветная Шарлотта Ивановна, неудачный Фирс-Луцкого — это очень ослабляло спектакль для знавших Варю — М. Ф. Андрееву, Шарлотту Ивановну — Муратову и Фирса — Артема. На Дне идет вдохновенно. Когда на сцене такой квартет как Сатин-Станиславский, Кинипер-Настя, Качалов-барон и Вишневский-татарин, когда Луку играет Москвин и Луцкий — наночника, — то это вершина драматического искусства. Такого ансамбля игры и таких артистов наверное нет теперь нигде. Хочется еще раз отметить, какая изумительная актриса О. Л. Кинипер. Ее Настя чудо перевоплощения, совершенно незабвенный образ. Все создано вдохновенно. И во всем — в красоте Сатинской бесшабашности Станиславского, в непередаваемо тонкой мимике Качалова, в неподражаемом юморе Вишневого, в характерности Москвинского Луки — во всем этом горит творчество, увлекая, покоряя зрителей. Еще раз хочется сказать: Честь и слава Московскому Художественному Театру.

Зин. Венгерова.